

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ»

В статье рассматриваются вопросы взаимосвязи интеллектуальных эмоций и мыслительной деятельности. Выделены теоретические подходы к определению интеллектуальных эмоций: номинальный и описательный. Определено проблемное поле по объяснению механизмов эмоционального и практического интеллекта.

Ключевые слова: интеллектуальные эмоции, чувства, умственная деятельность, классификации интеллектуальных эмоций.

Попытки установить взаимосвязи интеллекта и эмоций предпринимались на протяжении многих веков в философии, педагогике и психологии. Многочисленные исследования данного феномена привели к образованию понятия «интеллектуальные эмоции». Уже в IV веке до нашей эры Платон выделял умственные наслаждения, связанные с идеями симметрии и истины [6]. Умственные удовольствия Платон относил к чистым, высшим, не имеющим ничего общего с низшими удовольствиями и страданиями. Если низшие удовольствия и страдания вытекают из удовлетворения потребностей организма, то умственные наслаждения связаны с интеллектуальным созерцанием. Таким образом, он рассматривал «интеллектуальные эмоции» как переживания, возникающие у субъекта в ходе познания им объективной действительности, тем самым была найдена тесная взаимосвязь между эмоциональными процессами и процессами познания [4]. Существенный вклад в развитие рассматриваемого вопроса внес Аристотель. Философ развил далее мышление Платона о влиянии эмоций на познание, конкретизировав интеллектуальные эмоции чувством удивления. Оно, по мнению мыслителя, служит как бы переходом от познания простых к познанию все более сложных вещей [1]. В дальнейшем многочисленные зарубежные и отечественные исследования показали, что реальный мыслительный процесс представляет собой единство интеллектуального и эмоционального [11]. Тем не менее особенности проявления, роль связи интеллекта и эмоций в психологии представлены только как феноменология данного явления.

Изучение любого явления начинается с описания и выстраивания его сущностных ха-

рактеристик, а далее и с получения жесткого конструкта, формирующего определенный теоретический взгляд на исследуемую проблему.

До сих пор отсутствуют понятийный аппарат и теоретическая обоснованность данного явления, что делает его еще более загадочным и невероятно сложным для описания и объяснения. Главной задачей нашего исследования является формирование расширенного определения интеллектуальных эмоций.

Почему же так трудно перейти от формального определения интеллектуальных эмоций к конкретно-психологическому исследованию данного понятия? Видимо, легче признать различные определения интеллектуальных эмоций, в то время как расширить научные представления о них значительно труднее. В связи с этим возникла необходимость остановиться на тех теоретических, методологических основах, с которых начинается изучение интеллектуальных эмоций. В постижении вопроса интеллектуальных эмоций мы выделили два основных подхода. Первый подход мы определили как описательный, который формирует знания об особенностях возникновения и роли интеллектуальных эмоций в мыслительной деятельности. Другой подход, по нашему мнению, номинальный, классифицирующий эмоции по критерию личностной включенности в мыслительную деятельность.

Наше внимание сначала акцентируется на описательном подходе, появившемся в XIX веке в школе И. Гербарта, в котором, собственно говоря, и возник сам термин «интеллектуальные эмоции» [11]. Решающую роль он признавал за сознательной оценкой отношений между динамическими представлениями, которые относятся к начальному этапу мыслительного акта –

постановке вопроса. Смысл его учения именно в том, что главное значение отводится таким эмоциям, которые он определил как «новости», «контраст», «перемена» и «удивление». А. Бэн существенно дополнил классификацию, изложенную И. Гербартом, такими эмоциями, как «новизна», «изумление», «истина» и «ложность» отметив, что течение мыслей может носить на себе отпечаток чувств. Так, чувство приятного изумления наступает при отождествлении сходного среди различного, эмоция истины рассматривается как чувство отношения или сравнения. В своем анализе интеллектуальных эмоций автор не идет дальше описания внешних признаков этих явления. Следует, однако, обратить внимание на то, что в отличие от И. Гербарта А. Бэн указывал на необходимое условие возникновения интеллектуальных эмоций – на активную мыслительную работу [3].

Дальнейшее изучение интеллектуальных чувств было предложено Т. Рибо в известном труде «Психология чувств». Под этими явлениями автор понимает те приятные, неприятные или смешанные состояния, которыми сопровождаются умственные процессы. Интеллектуальные чувства могут быть связаны с любой формой познания – с воспроизведением образов, образами, идеями, рассуждениями и логическим ходом мысли. Т. Рибо считал, что порядок развития эмоций строго зависит от порядка развития общих идей, т. е. эволюция идей управляет эволюцией чувств. Большой заслугой автора является применение эволюционного подхода к исследованию интеллектуальных эмоций и чувств. В частности, им рассматривается становление этих явлений в онтогенезе. За основу развития интеллектуальных чувств принимается инстинкт любопытства. Первый период – утилитарный – имеет три этапа. Первичным является чувство изумления, возникающее вследствие недостатка приспособления. Предметом этого чувства служит переход между двумя состояниями. На втором этапе возникает эмоция удивления. В отличие от изумления эта эмоция представляет собой новую форму приспособления, характеризуется прочностью, а ее содержанием служит необычный, новый предмет. На третьем этапе возникает переживание «чисто утилитарного любопытства», которое выражается в вопросах двух типов: «что это такое?» и «для чего оно служит?», иначе говоря,

«какова конкретная природа предмета?» и «какая от него может быть польза?». Второй период в развитии интеллектуальных чувств обозначается как период бескорыстия. В соответствии со своей теоретической позицией Т. Рибо полагает, что переход от утилитаризма к бескорыстию происходит «благодаря естественному врожденному стремлению человеческого ума ко всему необыкновенному, странному, чудесному». Наконец, на третьей высшей стадии развития интеллектуальные эмоции превращаются в страсть, что происходит, однако, весьма редко. Вне контекста онтогенетического развития Т. Рибо рассматривает еще одно интеллектуальное чувство – сомнение. Он описывает сомнение как умственную нерешительность, которая имеет своим аффективным спутником неприятное состояние, являющееся результатом неудовлетворенного желания или стремления, не достигающего своей цели [9].

В отличие от изучения особенностей онтогенетического развития интеллектуальных чувств и эмоций в трудах Т. Рибо, Э.Б. Титченер дифференцирует понятия «чувство» и «эмоция». При этом под чувством подразумевается «аффективное явление», которое возникает, когда мы сталкиваемся с известным положением при помощи активного внимания, при помощи суждения. Соответственно эмоция обусловлена пассивными формами внимания. Поскольку интеллектуальные переживания, по Э.Б. Титченеру, связаны «с суждением об истине или лжи», то они попадают под рубрику чувств. Интеллектуальные чувства автор понимает как логические, группирующиеся вокруг суждений: «это правда» и «это неверно с научной точки зрения» [7]. К ним он относит оппозицию чувств: согласия и противоречия, легкости и трудности, истинности и лживости, уверенности и неуверенности.

Другими словами, к интеллектуальным чувствам Э.Б. Титченер относит только переживания некоторого логического результата мыслительной деятельности – суждения. При таком подходе сильно ограничивается область интеллектуальных чувств, поскольку из всей их совокупности выделяется только одна группа, связанная с осознанием результата мыслительного акта. В область интеллектуальных не попадает чувство удивления, ибо оно не связано с переживанием суждения «истинно» или «ложно», а яв-

ляется переживанием постановки вопроса, проблемы. Игнорируется также чувство догадки, так как оно связано не с суждением, а с новым, неосознанным образованием. Следовательно, данная трактовка может препятствовать изучению интеллектуальных чувств, о чем свидетельствуют результаты исследования В. Джеймса.

Он считает, что к этим чувствам относятся все те элементы мышления, которые называются переходными (транзитными) и которые не являются образными. В. Джеймс тонко подмечает тот факт, что в предложениях, союзах, наречиях, интонациях человеческой речи передаются отношения, однако для него это только отношения между «объектами мысли». Отношение же самого субъекта к этим объектам и их связям, т. е. переживания субъекта исследователь игнорирует. Интеллектуальные чувства, таким образом, трактуются им как «интеллектуальные восприятия», лишённые какого бы то ни было оттенка эмоционального переживания, субъективного отношения и протекающие без органических изменений [8]. Проблема интеллектуальных чувств при таком подходе, по сути, минимизируется.

Другая особенность в изучении интеллектуальных эмоций заключается в том, что ряд исследователей выделяют одни и те же эмоции, только с другой теоретической основой. Р. Декарт, Б. Спиноза, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, И. Кант сошлись во мнении, что интеллектуальные эмоции включают в себя удивление, сомнение и уверенность. Пожалуй, в настоящее время это самая известная классификация в психологии. Так Р. Декарт считал, что познание начинается с удивления, а сомнение – это основа познания. Чувство удивления возникает при встрече человека с новым объектом. Удивление не имеет противоположного себе чувства, поскольку если объект не имеет в себе ничего необычного, то он «не затрагивает нас и мы рассматриваем его без всякой страсти» [5]. Р. Декарт включает в сферу философского анализа интеллектуальное чувство сомнения. Оно возникает в ходе познания, а переживание сомнения выступает в качестве показателя протекания мыслительного процесса у человека. Чувство сомнения выполняет определенную функцию в мышлении. Последняя состоит в обеспечении такой основы для познания, которая по возможности исключает ошибки. Иначе говоря, там, где исчезает сомнение и на его место

приходит уверенность, можно утверждать, что полученное знание истинно. Уверенность же приходит на основе «очевидности» и «ясности», «гармоничности» и «взаимной связи идей в мыслительном процессе». Глубокую разработку проблема эмоций и чувств получила в «Этике» Б. Спинозы. Автор, в частности, дает определение чувства уверенности в единстве с противоположным ему чувством сомнения. Он пишет, что уверенность есть удовольствие, возникающее из идей будущей или прошедшей вещи, причина сомнения в которой исчезла [2]. В этом определении точки зрения Б. Спинозы и Р. Декарта о познавательной природе эмоций соприкасаются. Подразумевается, что уверенность, возникшая из идеи, – это своеобразный ориентир в ситуации, которая может наступить в будущем. Уверенность, по мнению Р. Декарта, возникает с момента преодоления причин сомнения [7]. В.Г. Белинский и А.И. Герцен, обобщая исследование Р. Декарта и Б. Спинозы, полагают, что интеллектуальные эмоции выполняют побудительную функцию для чувств сомнения и уверенности в мыслительном процессе [5]. Однако И. Кант в своем исследовании интеллектуальных эмоций выделил только удивление [10]. Кроме того, у него был особенный взгляд на понятие «удивление». Удивление, по его мнению, – это такое возбуждение чувства, которое изначально задерживает естественную игру мысли, значит, бывает неправильным. К тому же И. Кант считал удивление – единством двух модальностей удовольствия и неудовольствия. П.М. Якобсон расширил ранее существовавшие представления об интеллектуальных эмоциях, добавив любознательность. Он говорил, что познавательная деятельность «порождает своеобразный эмоциональный отклик» [4]. К интеллектуальным чувствам относится, по его мнению, чувство удивления перед сложным и еще непонятным явлением, чувство любознательности по отношению к новым данным о мире, чувство сомнения в правильности найденного решения, чувство уверенности в верности вывода, чувство удовольствия от мыслительного результата. В основе различных переживаний, возникающих от процесса познания, лежит чувство любви к знанию. Это чувство может приобретать различную предметную направленность. Еще одна интересная позиция в постижении интеллектуальных эмоций пред-

ставлена в философии интуитивизма, которая считала единственным источником познания внеопытное созерцание, вдохновение. Так, один из ярких представителей школы интуитивизма, А. Бергсон говорил об определении и значении мыслительной деятельности для возникновения «озарения», чувства догадки, основываясь в своих исследованиях на том, что мыслительный процесс, лежащий в основе интеллектуальных чувств, является не полностью осознаваемым [3]. К интуитивизму близка феноменологическая концепция Э. Гуссерля. Под интуицией понимается непосредственное «видение», «постижение», «схватывание сущностей» [4]. Чувство уверенности выступает в этой концепции в качестве психологического критерия истины. Вследствие абсолютизации чувства уверенности другие интеллектуальные чувства оказываются не нужными. Действительно, субъекту нет необходимости удивляться, сомневаться, если он абсолютно уверен в истинности имеющегося у него готового знания. Таким образом, в данной теории происходит сведение интеллектуальных чувств к одному – уверенности. Другой интересной точкой зрения на интеллектуальные эмоции в философии интуитивизма является концепция В. Дильтея [9]. Интересно, что если А. Бергсон говорил о роли интеллектуальных эмоций в мыслительной деятельности, Э. Гуссерль сводил ее лишь к одной интеллектуальной эмоции – уверенности, то В. Дильтей возвышал их и тем самым отрывал интеллектуальные эмоции от мыслительной деятельности. Он считал, что человеку достаточно испытывать чувство, как он тотчас же приобретает знание о находящемся вне его мира. В. Дильтей, таким образом, ставил переживания на место мышления. Такое преувеличение роли чувств происходит за счет игнорирования значения мышления. Рассмотрение же интеллектуальных чувств в отрыве от мышления делает принципиально невозможным понять причины возникновения и функции интеллектуальных чувств в познании. Однако, на наш взгляд, интеллектуальные чувства – это показатели и побудители мыслительного процесса, но они отнюдь не заменяют мысль. Вслед за школой интуитивизма наше внимание сосредоточилось на экзистенциалистах, которые занимались проблемами познания «подлинного бытия» субъекта, его экзистенции. Метод такого позна-

ния определяется как иррационально-интуитивный. Мышление непригодно для этого рода познания, так как при соприкосновении с ним экзистенция разрушается. Средством познания «подлинного бытия» у С. Кьеркегора выступает «отчаяние». Эта категория противопоставляется интеллектуальному чувству сомнения [6]. Таким образом, в экзистенциалистской философии вместе с проблемой познания объективного мира, возможно, игнорируется проблема гносеологической роли интеллектуальных чувств в этом познании. Однако в противоположность экзистенциализму неопозитивизм признает необходимость исследования эмоциональной сферы в процессе познания. Однако представители этой концепции абсолютизируют интеллектуальное чувство сомнения. Чувство сомнения внутренне присуще человеку. Противоположное чувство – уверенность – представляет собой чисто иррациональную веру, также внутренне данную субъекту и не основанную на опыте, практике, объективном познании [8].

В отечественной психологии существует точка зрения О.М. Тутунджяна, продолжил анализ чувств сомнения и уверенности в мышлении. Автор приходит к выводу, что чувство сомнения не всегда оказывается неизбежным моментом в логическом мышлении. Сомнение не возникает при отсутствии субъективных возможностей для возникновения этого чувства, а также при отсутствии объективной проблемной ситуации [6].

В истории психологии можно найти и другие попытки классификации интеллектуальных эмоций и чувств. Чаще всего при этом используется признак удовольствия – неудовольствия. Однако этот признак является слишком общим и не выражает специфической природы интеллектуальных эмоций и чувств. Другая неудачная систематизация была предпринята А. Бэном, которую он проводил по признаку сложности интеллектуальных эмоций и чувств [10]. В русской психологии можно отметить наиболее удачную попытку К.Д. Ушинского классифицировать интеллектуальные эмоции исходя из природы их объекта, процесса мышления. Он указывал на чувство сравнения (чувство сходства и различия), ожидание, неожиданность, обман, сомнение, удивление, непримиримость, контраст, умственный успех и неуспех. К.Д. Ушинский констати-

ровал, что интеллектуальные чувства вызываются течением мыслительного процесса, с его остановками, тупиками и противоречиями [3]. В современной отечественной психологии имеется классификация интеллектуальных чувств, предложенная В.А. Артемовым. Автор подразделяет эти чувства на три группы в зависимости: 1) от соответствия наших мыслей общепринятым положениям, 2) от степени логического совершенства наших мыслительных операций и 3) от нашей уверенности в правильности этих операций. Классификация, таким образом, проводится по трем разнородным признакам, вследствие чего намеченные группы чувств между собой не связываются и не имеют взаимопереходов. Сами признаки выделены на основе феноменологии интеллектуальных переживаний и не отражают действительной природы интеллектуальных чувств [2]. Однако выделение данных признаков приводит к искусственному отрыву содержательной стороны мышления от его операциональной стороны. Специфика же интеллектуальных эмоций состоит именно в том, что посредством их оценивается мыслительная деятельность в единстве с ее операциональной и содержательной сторонами.

Следующим теоретиком проблем интеллектуальных эмоций Э. Клапаред, также как В. Джеймс, полагал, что к интеллектуальным чувствам относятся все «транзитные» элементы мысли. Э. Клапаред определял чувства как осознание установки, которая формируется в мышлении при помощи «внутреннего жестикулирования» и выражается в различных транзитных элементах. Как сам процесс внутреннего жестикулирования, так и его результат – установка существуют на неосознаваемом уровне и осознаются первоначально в форме чувства. Последнее уже вторично ведет к органическим изменениям и переживанию эмоций. Транзитными элементами автор считал мысли, которые передают их движения, а осознание этих движений – чувством различных направлений мысли. По мнению Э. Клапареда, единственной позицией, учитывающей динамичность мышления, является та, при которой интеллектуальные чувства рассматриваются в качестве основы действий (задержек) [4]. Только тогда можно понять, каким образом движения могут влиять одно на другое, подкреплять, противостоять или видоизменять друг друга.

Крупнейший вклад в развитие методологической и теоретической базы интеллектуальных эмоций был сделан нашими отечественными психологами С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым и О.К. Тихомировым. Так, С.Л. Рубинштейн понимал природу интеллектуальных эмоций как отношение к явлениям, как единство двух противоположных компонентов: интеллект и аффект. А.Н. Леонтьев, напротив, понимал природу интеллектуальных эмоций как мотив, который выполняет аффективную регуляцию в мыслительной деятельности и непосредственно выражает ее пристрастность. Отдельного внимания заслуживают результаты исследования интеллекта и аффекта О.К. Тихомирова. Впервые было установлено, что нахождению общего принципа решения, выполняющего функцию цели в разворачивающемся далее процессе мышления, с необходимостью предшествует эмоциональная активация (Тихомиров, Виноградов, 1969 г.). Современный взгляд на эмоциональную активацию расширен и дополнен идеей инициации мыслительной деятельности В.Е. Клочко, Т.В. Корниловой, О.М. Краснорядцевой. Обнаруженный в лаборатории О.К. Тихомирова и устойчиво воспроизводимый феномен «эмоционального решения» связан с появлением особого субъективного ощущения «решение найдено» и с предвосхищающим его изменением объективных показателей эмоциональной активации (КГР). Важно подчеркнуть, что это ощущение возникает, когда идея еще не осмыслена и словесно не оформлена. При решении, требующем только механического просчета вариантов, этот феномен не возникает. Этот феномен, названный «эмоциональное обнаружение проблемы», представляет собой один из механизмов саморазвития мышления, являясь причиной перехода мышления в статус самостоятельной деятельности или развертывания гностических действий [9].

Необходимо отметить развернутый взгляд на данную проблему отечественного психолога И.А. Васильева, который добавил «догадку» к основным интеллектуальным эмоциям – «удивление», «уверенность», «сомнение» [1]. Он утверждал, что интеллектуальные эмоции есть эмоциональные состояния, возникающие в процессе мыслительной деятельности. Они направляются на мыслительный процесс, воздейству-

ют на него и оценивают его успешность. Кроме того, он обозначил различие интеллектуальных и обычных эмоций. Различие между ними в том, что обычные эмоции возникают в ходе мыслительной деятельности, когда результат зависит от удовлетворения какой-то потребности, следовательно, отсутствует связь интеллектуальных эмоций и потребностей. Иначе, интеллектуальные эмоции существуют как некое отдельное образование.

Говоря об интеллектуальных эмоциях необходимо отметить исследования П.А. Рудик и П.И. Иванова, которые связывали интеллектуальные эмоции и чувства исключительно с учебной и научной деятельностью человека [2]. Как рассматривал И.П. Павлов, научное познание – не простое, спокойное отражение действительности, а страстное искание истины, связанное с преодолением трудностей, с чувствами удовлетворения при успешной и неудовлетворения при затрудненной интеллектуальной работе. Он писал, что большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях [8]. Однако подобное ограничение сферы действия интеллектуальных эмоций и чувств вряд ли представляется достаточно обоснованным. Согласно результатам исследования О.К. Тихомирова, в любой развитой форме человеческой деятельности возникают проблемные ситуации, требующие для своего разрешения развитых форм мышления [5]. Развертывание же мыслительного процесса закономерно ведет к возникновению интеллектуальных эмоций. Таким образом, по мнению О.К. Тихомирова, нет оснований связывать интеллектуальные эмоции с некоторыми особыми видами человеческой деятельности. Наиболее существенной основой для понимания природы интеллектуальных эмоций является их теснейшая связь именно с мыслительным процессом, функционирующим в любом виде человеческой деятельности [9].

Закономерно возникая в ходе мыслительной деятельности и отражая ценность того или иного направления мысли, интеллектуальные эмоции не могут оставаться только внешними спутниками мышления. Будучи обусловлены мыслительным процессом, они непосредственно воздействуют на его дальнейшее развитие. Такое воздействие осуществляется на базе оценки хода мыслительного процесса и выра-

жается в двух основных функциях интеллектуальной эмоции – ориентирующей и побуждающей [3]. При этом эмоциональная ориентировка носит специфический характер, отличный от ориентировочной функции познавательных процессов. С помощью подобной ориентировки субъект получает возможность выделять в мыслительной деятельности те направления, которые имеют для него смысл с точки зрения его целей и мотива. Интеллектуальные эмоции, выделяя некоторые значимые компоненты в процессе мыслительной деятельности, побуждают к действиям по их осознанию и использованию в дальнейшем мыслительном процессе. При этом, конечно, в основе побуждения лежат мотивы субъекта. Однако конкретными механизмами, посредством которых осуществляется побуждение, являются эмоциональные явления. Если в трактовке интеллектуальных эмоций отказаться от их побуждающей функции, то возникает труднопреодолимый разрыв между эмоциями и мотивами мыслительной деятельности, с одной стороны, и между эмоциями и действиями субъекта – с другой [9].

Таким образом, вышеизложенные дают нам основание говорить о некоторой специфичности интеллектуальных эмоций и чувств по сравнению с другими видами эмоций и чувств человека. В отличие от всех других эмоций, они не только возникают в ходе мыслительной деятельности, но и направляются на нее, оценивают ее успешность и неспешность с точки зрения мотивов мыслительной деятельности и на основании этой оценки активно воздействуют на ход мыслительного процесса для удовлетворения в конечном счете познавательных потребностей субъекта.

Кроме того, краткий обзор современных зарубежных философских и отечественных психологических теорий показывает, что они недостаточно раскрывают проблему интеллектуальных эмоций. Некоторые из них вообще отрицают гносеологическую роль интеллектуальных чувств. Теории Э. Клапереда, В. Джеймса, П.А. Рудика и П.И. Иванова, которые утверждают, необходимость эмоций в процессе познания, отрывают интеллектуальные чувства от их познавательной основы, рассматривая чувства как некие внутренние, данные субъекту образования, независимые от его практической и теоретической деятельности.

Существенным недостатком современных зарубежных философских и отечественных психологических концепций является отсутствие систематизации и классификации рассматриваемых явлений.

Проведенный контент-анализ литературы локализует новые проблемы, намечая тем самым перспективу дальнейшего развития теоретической концепции интеллектуальных эмоций.

25.10.2012

Список литературы:

1. Виноградов, Ю. Е. Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека / Ю. Е. Виноградов. – М., 1972. – 231 с. – ISBN 5-230-10656-6.
2. Воловикова, М. И. Познавательная мотивация в процессе решения мыслительных задач / М. И. Воловикова // Вопросы психологии. – 1980. – № 3. – С. 23–25.
3. Епанчинцева, Г. А. Психология развивающей диагностики в образовании / Г. А. Епанчинцева. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008. – 300 с. – ISBN 5-201-14433-0.
4. Копина, О. С. Эмоциональная регуляция мыслительной деятельности в условиях различной мотивации / О. С. Копина // Вопросы психологии. – 1982. – № 1. – С. 14–20.
5. Кулюткин, Ю. Н. Эвристический поиск, его операционные и эмоциональные компоненты / Ю. Н. Кулюткин // Вопросы психологии. – 1973. – № 3. – С. 7–16.
6. Матюшкин, А. М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности / А. М. Матюшкин // Вопросы психологии. – 1982. – № 4. – С. 25–31.
7. Телегина, Э. Д. О влиянии значимости мотива на процесс решения мыслительных задач / Э. Д. Телегина, Т. Г. Богданова // Вопросы психологии. – 1980. – № 1. – С. 19–23.
8. Терехов, В. А. Характеристики процессов целеобразования при решении мыслительных задач / В. А. Терехов, И. А. Васильев // Вопросы психологии. – 1975. – № 1. – С. 16–20.
9. Тихомиров, О. К. Информационная и психологическая теория мышления / О. К. Тихомиров // Вопросы психологии. – 1974. – № 1. – С. 6–10.
10. Caron, A. Achievement and Avoidant Motivation as Determinants of Epistemic Behavior / A. Caron // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1963. – Vol. 67, № 6. – P. 28–43.
11. Lazarus, R. S. Towards a Cognitive Theory of Emotions / R. S. Lazarus, J. R. Averill, E. M. Opton // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1970. – Vol. 82, № 6. – P. 18–29.

Сведения об авторе:

Налитова Анастасия Степановна, аспирант кафедры общей психологии и психологии личности
Оренбургского государственного университета
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. 8 (3532) 372575, e-mail: Anastinka@inbox.ru

UDC 159.943.8

Nalitova A.S.

Orenburg state university, e-mail: Anastinka@inbox.ru

TO THE QUESTION OF THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF THE CONCEPTS OF INTELLECTUAL EMOTIONS

This paper examines the link between intellectual emotions and mental activities. This article consists of different theoretical approaches to define the intellectual emotions. These approaches are divided into types – the nominal and descriptive ones. There is problematic field by explanation of the mechanisms of emotional and practical intelligence in the article.

Key words: the intellectual emotions, mental abilities, classifications of the intellectual emotions.

Bibliography:

1. Vinogradov, Yu. E. Emotional activation in the structure of the mental activity of the person / Yu. E. Vinogradov. – M., 1972. – № 3. – 231 p. – ISBN 5-230-10656-6.
2. Volovikova, M. I. Cognitive motivation in the process of solution of cognitive tasks / M. I. Volovikova // Questions of psychology. – 1980. – № 3. – P. 23–25.
3. Epanchintseva, G. A. Psychology is development of diagnostic in education / G. A. Epanchintseva. – Orenburg : IPK GOU OSU, 2008. – 300 p. – ISBN 5-201-14433-0.
4. Kopin, O. S. Emotional regulation of intellectual activity in the conditions of a different motivation / O. S. Kopin // Questions of psychology. – 1982. – № 1. – P. 14–20.
5. Kulyutkin, Yu. N. Heuristic search, its operating and emotional components / Yu. N. Kulyutkin // Questions of psychology. – 1973. – № 1. – P. 7–16.
6. Matyushkin, A. M. The psychological structure, dynamics and development of cognitive activity / A. M. Matyushkin // Questions of psychology. – 1982. – № 4. – P. 25–31.
7. Telegina, E. D. About the influence of the significance of the motive on the process of the decision of cognitive tasks / E. D. Telegina, T. G. Bogdanova // Questions of psychology. – 1980. – № 1. – P. 19–23.
8. Terekhov, V. A. To the characteristics of the processes education purposes at the decision of cognitive tasks / V. A. Terekhov, I. A. Vasiliev // Questions of psychology. – 1975. – № 1. – P. 16–20.
9. Tikhomirov, O. K. Theory of thinking is Information and psychological / O. K. Tikhomirov // Questions of psychology. – 1974. – № 1. – P. 6–10.
10. Caron, A. Achievement and Avoidant Motivation as Determinants of Epistemic Behavior / A. Caron // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1963. – Vol. 67, № 6. – P. 28–43.
11. Lazarus, R. S. Towards a Cognitive Theory of Emotions / R. S. Lazarus, J. R. Averill, E. M. Opton // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1970. – Vol. 82, № 6. – P. 18–29.